

С. В. Телепень

**Римская армейская действительность
в отражении Плиния Младшего**

Исследование писем и панегирика Плиния Младшего имеет почти трехвековую традицию. Однако на подлинно научную основу оно было поставлено лишь Т. Моммзенем. Правда, он не всегда критически подходил к вопросу о подлинности писем Плиния¹ и во всяком случае не обратил внимания на сведения по военным вопросам. В России в конце XIX — начале XX в. также появились работы, содержащие анализ творчества писателя, но они немногочисленны и содержат скорее литературоведческий подход². В 1940—50-е гг. ситуация меняется. Показателем этого было издание полного русского перевода Плиния³. Одним из участников данного академического издания В. С. Соколовым в 1956 г. было опубликовано первое и на сегодняшний день единственное в отечественной историографии столь обширное исследование наследия Плиния Младшего⁴. В соответствии со своим названием эта работа посвящена анализу сочинений Плиния как источника по истории культуры Рима эпохи принципата. Справедливости ради следует отметить, что понятие культуры здесь берется в широком контексте: уделено много места исследованию общественного сознания, повседневности. Тем не менее такому важному вопросу, как армейская действительность, и у В. С. Соколова почти не уделено места. Ученый аргументирует это тем, что сам Плиний якобы мало затрагивает данный вопрос⁵. В целом признавая то обстоятельство, что систематизированного изложения по интересующей нас проблеме у Плиния действительно нет, мы тем не менее считаем целесообразным все же обратиться к тем разрозненным упоминаниям, которые у данного автора встречаются.

Прежде всего следует классифицировать информационные компоненты, имеющиеся у Плиния по указанному вопросу. Упоминания об армейских делах можно разделить на несколько групп:

- 1) Глорификация воинских доблестей;
- 2) Переписка по вопросам использования военной силы;
- 3) Сведения о посредничестве Плиния в решении частных проблем воинов;
- 4) Воспоминания Плиния о своей службе в качестве военного трибуна;
- 5) Обращения к лицам, имеющим отношение к военному делу, или упоминание о них;
- 6) Упоминания о конкретных военных событиях.

Как можно заметить, данная классификация условна: одни и те же информационные единицы (упоминания) могут быть одновременно отнесены к разным группам.

Как бы там ни было, воинским доблестям отводится у Плиния особое место в силу приверженности его римской старине, очевидно неотделимой от милитаризма. Плиний пишет: «Я из тех, кто преклоняется перед древними» (Ер. VI. 21.). Как справедливо замечает В. С. Соколов, «с этой точки зрения он делает оценку и правления Траяна»⁶. В панегирике по сути представлена программа поведения для полководца, стремящегося в условиях принципата соответствовать престижному типу республиканского военного вождя. Полководец, в данном случае идеализированный Траян, подобно «древним» Фабианам, Сципионам и Камиллам, наравне с солдатами участвует в военных упражнениях, постоянно заботится о благополучии воинов (Paneg. 13.). Он, довольствуется малым, не знает усталости (Paneg. 14). Он опытен в военном деле и видит заслуги каждого своего солдата (Paneg. 15). Полководец, верный военным традициям патриархального Рима, неустанно укрепляет дисциплину в войске, поддерживает боевой дух солдат (Paneg. 18.). Наконец, что важно для ревнителя старины Плиния, идеальный полководец не использует свою военную власть для произвола в отношении сограждан (Paneg. 20).

Мнение о сервиллизме Плиния существует в науке давно⁷. В самом деле, обращает на себя внимание совпадение подхода Плиния к образу идеального императора с направлением официальной пропаганды Траяна. В 107 г. была выпущена серия монет с изображением всех божеств и сакральных понятий Рима, что должно было свя-

зать существующее правление с «римским мифом». Было произведено копирование тех республиканских денариев, которые пропагандировали *pietas, fides, virtus*, причем в их военном аспекте⁸. Иначе говоря, Плиний участвовал в пропаганде «военно-республиканских» добротетелей трояновой эры. Это обстоятельство позволяет отнести к наследию Плиния как к репрезентативному источнику, отражающему настроения близких императору армейских кругов. О том, что данные настроения существовали в среде офицеров по крайней мере трибунского ранга, говорит то, что и средний командный состав в лице упомянутых Плинием представителей, его знакомых, также стремился на своем уровне соответствовать староримскому эталону (Ер. VII. 25; VIII. 23.).

Совершенно иной характер имеет вторая группа упоминаний, то есть переписка Плиния с Траяном по вопросу использования воинских сил. Эти письма, вошедшие в отдельную, десятую, книгу относятся к периоду наместничества Плиния в провинции Вифиния (111—113 гг.) и характеризуются наибольшей достоверностью среди всего эпистолярного наследия этого автора⁹. Плиний делает запросы императору, следует ли использовать солдат для охраны тюрем (Ер. X. 19.); сообщает о передаче подчиненных ему воинских сил в распоряжение других должностных лиц (Ер. X. 21; 27.); просит разрешить вопрос об обнаруженных среди новобранцев рабах (Ер. X. 29.). Ответы императора как правило содержат мысль о необходимости сохранения армейских контингентов в боевом строю (Ер. X. 20; 22; 28.), об обеспечении чистоты рядов войска (Ер. X. 30.). Непредвзятый характер писем десятой книги, очевидно не подвергавшихся литературной обработке, заставляет серьезно относиться к данным служебным по сути документам.

Столь же достоверными являются ходатайства Плиния за некоторых своих сослуживцев, других воинов, а также их близких (Ер. III. 8; X. 26; 87; 106.). Сюда же можно отнести рекомендацию, данную Плинием своему другу Фабию Валенту (Ер. X. 86В.). Также здесь следует указать на сообщение об участии Плиния в судебном разбирательстве по делу одного военного трибуна и его жены (Ер. VI. 31.). В этой группе в целом содержится ценная информация, характеризующая роль армии в данную эпоху как социообразующего фактора, канала формирования и сохранения многофункциональных социальных, корпоративных связей.

Подобную информационную нагрузку несет четвертая группа. Здесь Плиний довольно отрывочно вспоминает о своей молодости, когда он служил в качестве военного трибуна в III Галльском легионе, стоявшем в Сирии. Несомненно, к этой группе можно отнести одно из названных писем, содержащих ходатайство за сына старого товарища Плиния примипилара Нимфидия Лупа. Причем сын также оказывается офицером — префекта когорты (Ер. X. 87.). Плиний по сути указывает в качестве причины своего особого дружеского расположения к Нимфидию именно обстоятельство совместной военной службы (Ер. VII. 16.). Здесь же мы узнаем, что, находясь в Сирии, Плиний, тогда еще молодой офицер, находил возможность посещать лекции философа Артемидора, с которым даже сдружился (Ер. III. 11.). Это в немалой степени характеризует круг интересов римских офицеров I—II вв. (см. ниже). С другой стороны, - примечательна оценка боевого духа, общего состояния армии времен молодости Плиния. Человек немолодой, он тем не менее скептически отзываясь о них: «И мы в молодости были на военной службе, но в то время (время Домициана — Т. С.) храбрость была в подозрении, а бездеятельность в цене, у вождей не было авторитета, а у солдат послушания; никто не командовал, никто не повиновался; все было разнузданно, спутано, извращено; все вообще следовало скорее забыть, чем запомнить» («At nos iuvenes suimus quidem in castris; sed quum suspecta virtus, inertia in pretio, quum ducibus auctoritas nulla, nulla militibus verecundia, nusquam imperium, nusquam obsequium, omnia soluta yurbata, atque etiam in contrarium verba, postremo obliuiscenda magis, tenenda»). Ер. VIII. 14. 7.). Здесь проявилось критическое отношение Плиния к предшествующему политическому режиму. Плиний, подобно Тациту, представитель новой знати, выдвинувшейся при Флавиях¹⁰. Эта знать,

потеряв прежнего хозяина в лице старой династии, которой была обязана своим, вероятно еще не совсем прочным, положением новой элиты, должна была полностью переориентироваться на нового хозяина в лице восходящей династии Антонинов, а в силу этого — отбросить саму память о Флавиях. А.Б.Егоров убедительно развивает мысль о том, что, начиная с Антонинов, императорская власть институционализируется именно благодаря освобождению ее от прежних социальных связей со староримской знатью¹¹. В этой связи на первый взгляд парадоксально выглядит тяга Плиния к авторитету старины. С другой стороны, она объяснима: в ней прояви-

лись гиперкомпенсационные тенденции в самосознании новой знати, составившей опору Антонинов. Но что для нас здесь важно, все эти мотивы могут быть причиной необъективности Плиния в приведенном отрывке.

Еще одна группа упоминаний об армейских делах состоит из различных обращений к лицам, причастным военной службе, а также из упоминаний о них. Из этого круга заслуживает внимания шутивное обращение к какому-то офицеру по имени Сабин, который находит время между повседневными заботами лагерной жизни предаваться чтению (Ер. IX. 2.). Аналогичная информация о нравах римского офицерства содержится в письмах Плиния Мамилиану, вероятно командовавшему войсками в Британии (Ер. IX, 16; 25.).

Последнюю группу сообщений составляют упоминания о военных событиях: о войнах с даками (Ер. VIII. 4), о столкновении с германцами (Ер. II. 7.), о солдатском мятеже (Paneg. 6.). Однако ценность их наименее значительна, особенно в сравнении с материалом по военно-республиканской идеологии траянова правления и перепиской по вопросам использования военной силы.

Таким образом, в эпистолярном наследии Плиния Младшего и его панегирике Траяну содержится в целом довольно разнообразный материал, позволяющий дополнить и оживить наши знания о римской армейской действительности эпохи принципата.

¹ Mommsen T. Zur lebensgeschichte Plinius des Jungeren // Hermes — 1869. Heft Nr. 3. S. 31.

² Соколов В. С. Плиний Младший. Очерк истории римской культуры времен империи. М., 1956. С.18.

³ Плиний Младший. Письма. Панегирик. М.; Л., 1950.

⁴ Соколов В. С. Указ соч.

⁵ Там же. С. 238.

⁶ Там же. С. 182.

⁷ Merivale Ch. Romans under the Empire. L., 1865. P. 26.

⁸ Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С.111.

⁹ Соколов В. С. Указ соч. С. 281.

¹⁰ Grimm Э. Исследование по истории развития императорской власти. Т. II. Римская императорская власть от Гальбы до Марка Аврелия. СПб., 1901. С. 341.

¹¹ Егоров А. Б. Рим на грани эпох: проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 203.